

С. Г. Икаева.

Стоявший в стороне Станицын взволнованно спросил ее:

— У вас есть дети?

— Есть. — Она отвечала медленно. — Двое.

— А сколько вам лет?

— Двадцать два.

— Всего? — Станицын переглянулся с Симоновым.

Симонов не удержался:

— Д-да...

После этого ее спросили лишь одно: что из стихов она может прочесть наизусть? Она ответила, что на русском знает наизусть только басню Крылова «Чиж и Голубь».

Станицына заинтересовало, давно ли она подготовила ее к экзамену. Серафима неожиданно прочла ее почти без акцента. Она охотно объяснила, что к экзамену вообще не готовилась, басню же знает с детства: ей пришлось тогда ходить один год в школу, школа была русской, вот она и запомнила...

Больше Икаеву в первый день ее прихода в ГИТИС ни о чем не спрашивали. Только объявила ей после «Чижа и Голубя», что она принята.

А жизнь у Серафимы была прожита действительно длинная. Совсем не по годам. И невестелая...

...Мы беседуем с народной артисткой Северо-Осетинской автономной республики Серафимой Георгиевной Икаевой за кулисами театра. Она сидит за директорским столом, очень просто держащаяся женщина с искрящимися лукавыми карими глазами, светловолосая, молодая, эффектная, и я никак не могу вообразить ее старухой в жизни, тем более — двадцать лет назад.

Но она возражает:

— Нет, нет, я не преувеличиваю. Когда я приехала в Москву, я была старухой, могу доказать фотографиями той поры, что говорю правду. А вот в Москве я начала молодеть, и мне это очень понравилось... — она смеется.

— Разве что-нибудь может себе представить сейчас прежнюю жизнь горянки — душную, тесную, затхлую... Посмела бы я, например, сидеть в присутствии мужчины да еще разговаривать с вами при этом!.. Отец у меня считался крестьянином. Нас было у него семеро, а земли не хватало и на одного.

Все-таки, по совести сказать, больше веселое помню. У нас дома, несмотря на нужду, никогда не давали разыграться грусти. Отец играл на скрипке, старший брат — на гармонике, мать — на балалайке, кроме того в доме были еще гитара и мандолина. Наше богатство! Как заиграем, как запоем, как я затанцую! — все горе прочь! У нас в Осетии, к слову сказать, принято, что на гармонике играет не парень, как в России, а девушка. И я играла.

Отец умер от туберкулеза, в семье остались старший брат, мать и я.

Самое страшное началось позже, когда мой брат уехал учиться в Москву. Он человек умный, прямой, передовой — большевик еще с первых лет революции. И хотя он меня ниче-

му как будто специально не учил, но для меня много значило, что я все время видела брата рядом с собой: видела, как он смотрит на жизнь, как оценивает людей, как разговаривает с ними.

А тут он уехал, а на маму начали насаждать: выдавайте вашу Симу замуж, — я была веселая, живая, — а то в старых девах засидится: шутка сказать — восемнадцатый год!

И что же — выдали! Дядя, брат моего отца, просто продал меня богатому соседу! А мама не посмела мужчине возразить. Да и я тоже... Так и оказалась к восемнадцати годам замужем за человеком, с которым двумя словами не перемолвилась...

Серафима Георгиевна языко кутается в платок, накиннутый на плечи.

— Вам холодно, Серафима Георгиевна? Может быть, закрыть окно?

— Нет, ничего... Благодарю вас...

Четыре года со дня, что я переступила порог его дома, прожила, как в тюрьме. Я не смела никуда выйти, не знала, куда ведет улица от его дома! Честное слово!.. Жена? Ему работница в дом нужна была! Да не работница — рабыня! Вычисти конюшню, задай корм скотине, испеки чуреки, выстирай белье...

Через четыре года вернулся наконец брат из Москвы. Порасспрашивал у матери, у людей, где я, как я, да и пришел к мужу.

— Ты что, мол, думаешь: нашел застывшую птичку да так и не дашь ей в жизни отогреться никогда?!

А муж решил, что это я брату пожаловалась, а я его и не видела еще. Как только брат ушел, муж кинулся ко мне с кинжалом. Еле успела в дверь высочиться... Такие-то вот «курсы» довелось мне в жизни проходить, прежде чем брат уговорил меня ехать учиться в ГИТИС...

Это, конечно, не сразу случилось. Я еще долго в себя приходила, когда к брату попала. Сперва он меня ученицей в библиотеку определил: читай, говорит. И заставил одновременно в школу записаться. Стеснялась я страшно: старуха! Впрочем, там же я начала в драмкружке играть. Мать, правда, бунт подняла. «У вас целуются на сцене, — кричала, — и юбки до колен... Где только твой стыд!» Но брат тут сказал ей круто: «Хватит, мама! До сих пор вы Симой командовали и сломали ей жизнь. Теперь я ей буду голова. Все!»

Тогда же я вступила в комсомол.

Так и росла — по ступенькам. От школы к участию в драмкружке, от драмкружки к комсомолу. А затем брат настоял, чтобы я поехала учиться в Москву.

Как раз тогда во Владикавказе отбирали одаренных осетинских юношей и девушек для учебы в Государственный институт театрального искусства. Это была первая национальная группа в ГИТИС: осетинского театра ведь еще не существовало. После четырех лет учебы студенты, из которых в стенах института комплектовали театральную студию, возвращались на родину уже крепкой труппой национального театра. Наша группа была первой. Когда мы

учились на втором курсе, в ГИТИС появились якуты. Они были следующей по времени набора национальной группой, и мы над ними, как старшие, взяли шефство — и в организации быта, и всяких других студенческих дел, и в передаче опыта комсомольской работы. Если бы вы знали, как мы были горды! Нас обучали замечательные мастера великой русской сцены. Они не жалели для нас ни времени, ни труда!

...Чем дальше я слушаю рассказ Серафимы Георгиевны Икаевой об ее жизни, тем яснее мне становится, почему так содержательно, так насыщено мыслью исполнение всех ролей ее репертуара. Даже самую незначительную роль она обогащает превосходными, глубоко жизненными штрихами.

Есть в ее репертуаре роль Даро из пьесы Циновского «Судьба» — роль партизанки, помогающей красным во время гражданской войны преодолеть горные перевалы. Как собрана Даро в исполнении Икаевой, как настойчива, решительна и в то же время чиста и обаятельна!

Вот роль несколько иного плана — Ханисят в пьесе первого осетинского драматурга Бритаева «Две сестры». Чтобы получить за Ханисят калым, родные выдают ее замуж, не считаясь ни с тем, что она любит другого, ни с тем, что муж ее придурковат. Ханисят стоит на своем — она уходит от постылого. Но когда узнает, что ее хотят выкрасть, бросается со скалы.

Что творится в зале, когда Серафима, или, как ее дружески зовут в родной Осетии, Сима, Икаева играет Ханисят! Нередко ее приезжают смотреть из самых дальних аулов республики. Если национальный театр по праву стал теперь гордостью осетинского народа, то роль Ханисят в исполнении Икаевой — одна из самых ярких страниц в истории этого театра.

А память рисует мне Икаеву все в новых и новых обликах. С какими только типами и образами она ни познакомилась родной народ! Вот она играет кумушку Дзыгду («Свадьба Джимиева»). Ее первый выход в пьесе — спиной к зрителю. Показавшись из-за ближней к рампе кулисы, она проходит по диагонали в противоположный дальний угол сцены, лица ее не видно. Но как выразительна ее фигура! Дзыгде все надо выведать: и непередаваемо вертит она головой, Дзыгда мгновенно и выразительно оборачивается в сторону шума, слышавшегося ей где-то. А походка! Это же самостоятельный рассказ сатирика! Юбка, которой Дзыгда замечает улицу; подвернутые под ступню продранные на пальцах чулки, — Дзыгде некогда штопать дыры: ей же надо поскорее все узнать, а сколько мест для этого приходится за день обегать!

Зритель смеется: ну до чего же все жизненно! Где только Сима это подсмотрела? А она это подсмотрела всюду. Тут и ее свекровь, и глуховатая соседка, характерным жестом представлявшая вывернутую ладонь к уху, чтобы все-таки разобрать, что же творится в чужом доме. Да мало ли что еще!

У Серафимы Георгиевны множество учеников в театре. Есть среди них уже и заслуженные артисты. Она вместе с другими приехавшими из ГИТИС актерами с первых же дней стала обучать местную молодежь. Кроме того она еще преподает в кукольном театре — есть и такой теперь в Дзауджикау. Кроме того она помогла созданию фабрики гармоник в Северной Осетии и, когда фабрика вступила в строй, стала первым ее консультантом. Кто еще так, как Серафима Икаева, знает, что нужно осетинской девушке от гармоники! Кроме того...

Но всего, что успевает делать Икаева, не перечислишь! Она и председатель республиканского отделения Всероссийского театрального общества, и член партбюро театра, и член обкома ВКП(б), и депутат Верховного Совета Северной Осетии. Ей на все хватает времени, сил и — самое главное — страстного желания служить своему народу.

Вот почему, когда в Северной Осетии вам скажут: «Сима» или «наша Сима», — то не спрашивайте собеседника, кого он имеет в виду: дочь, сестру? Знайте: вам говорят о Серафиме Икаевой.

Какое это, действительно, почетное звание — народная артистка! И сколько любви народной в нем!

Дзауджикау.